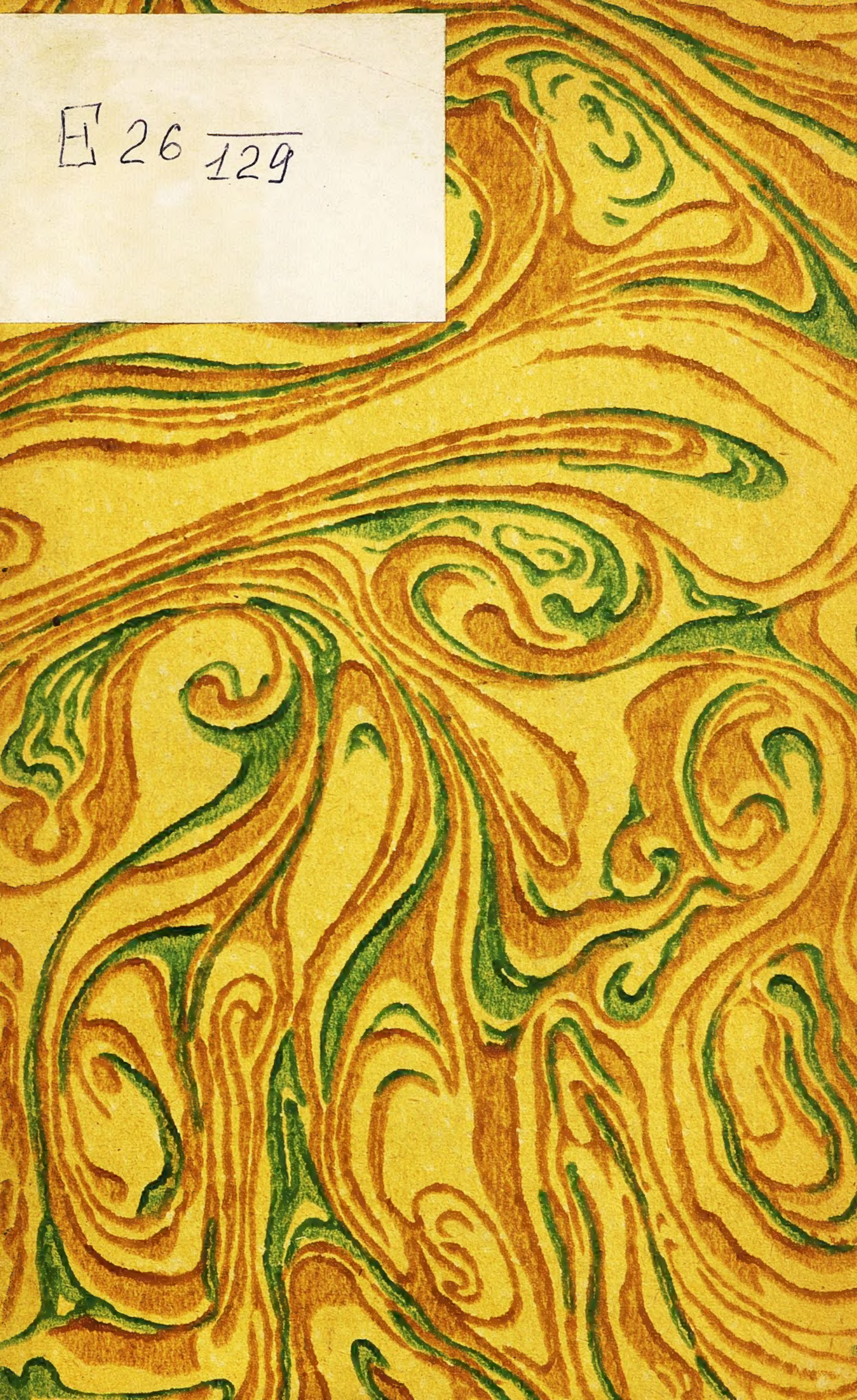

E 26 129

M. Дьяконовъ.

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Многоуважаемому Сергею Константиновичу Богоявленскому от М. Дьяконова

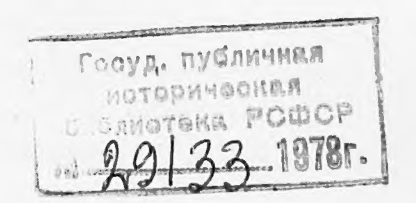
М. ДЬЯКОНОВЪ.

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1913 г.
Непремѣнный Секретарь Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ИЗБРАНІЕ

МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

Триста лѣтъ назадъ, 21 февраля, которое приходилось на такъ называемое Сборное воскресенье или недѣлю православія, земскимъ соборомъ избранъ на царство М. Ѳ. Романовъ. Всѣ извѣстія объ этомъ событіи оффиціальныхъ памятниковъ и литературныхъ сказаній рисуютъ его довольно однообразно: «человѣколюбивый Богъ по смотрѣнію своему вложи въ сердца всѣхъ людей Московскаго государства отъ мала до велика и до ссущихъ младенецъ единомышленіе, чтобъ обрати на Владимірское и на Московское и на всѣ государства Російскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи М. Ѳ. Романова-Юрьева»[1]).

Эта густая завѣса провиденціализма осторожно и тщательно приподнималась изслѣдователями съ давняго времени, чтобы возможно дальше проникнуть въ подробности такого важнаго момента нашей исторіи. И многое удалось выяснить. Теперь мы знаемъ изъ тѣхъ же памятниковъ, что спокойному теченію земскаго единомыслія предшествовали тревожные дни. Такъ узнаемъ, что люди всякихъ чи-

Настоящая статья является точнымъ воспроизведеніемъ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 23 февраля 1913 г. Авторъ не использовалъ изданій матеріаловъ и изслѣдованій, сдѣлавшихся доступными ему послѣ указанной даты. Они, впрочемъ, не измѣнили ни въ чемъ основныхъ наблюденій, намѣченныхъ въ этомъ очеркѣ.

[1]) Дв. разр. I, 21, 35 и др.; Утв. грам., 44 сл.

новъ «о государскомъ обиранье мыслили многое время и Бога молили соборнѣ по многіе дни» [1]). Мало того. Узнаемъ, что «по многіе дни о томъ говорили всякіе люди всего Російскаго царствія съ великимъ шумомъ и плачемъ»; «что многіе дни бысть собранія людемъ, дѣла жъ толикія вещи утвердити не могутъ, и всуе мятутся сѣмо и овамо»[2]).

Что же все это значитъ? Изъ-за чего шумъ и смятеніе? Много потрачено труда и остроумія на выясненіе этихъ любопытнѣйшихъ подробностей. Много высказано интересныхъ наблюденій, и многое вошло въ научный оборотъ. Но . . . и по сей день отводится не мало мѣста различнымъ, нерѣдко противоположнымъ догадкамъ. Нѣкоторыми изъ сомнѣній, возникшихъ у меня, я рѣшаюсь подѣлиться въ настоящемъ собраніи.

Твердо установлено въ настоящее время, что всенародное множество, всякихъ чиновъ люди Московскаго государства на избирательномъ соборѣ 1613 г. совсѣмъ не тѣ собранія, о которыхъ въ тѣхъ же терминахъ говорятъ наши памятники по поводу избраній Б. Годунова и В. Шуйскаго. Это были выборные люди всѣхъ городовъ Московскаго государства, которые впервые собрались въ ополченіи Пожарскаго въ Ярославлѣ спасать свою вѣру, національность и государство отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и ближайшимъ образомъ для избранія государя по приговору всей земли. Послѣднюю задачу пришлось отложить, ополченіе продвинулось къ Москвѣ, и, послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ 22 — 26 октября, снова созывались выборные на царское обиранье. До сихъ поръ мы знали,

---

[1]) Дв. разр. I, 27, 34, 47, 70.

[2]) Утв. грам., 43; Русск. Ист. Библ., XIII, 618 и 706; Дв. разр. I, 66 прим.; Разрядн. зап. смутн. времени, 63.

что призывныя грамоты разсылались «тое жъ осени», «чтобы изо всѣхъ городовъ ѣхали выборные люди къ Москвѣ для ради царскаго избиранія» [1]), или точнѣе изъ грамоты начальниковъ ополченія въ Новгородъ отъ 15 ноября, что «о обиранье государьскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь, и въ Астарахань, и въ Казань, и въ Н.-Новгородъ, и на Сѣверу и во всѣ городы Московского государства, чтобы изо всѣхъ городовъ Московского государства, изо всякихъ чиновъ люди, по 10 человѣкъ, изъ городовъ для государственныхъ и эемскихъ дѣлъ прислали къ намъ къ Москвѣ» [2]). Въ другихъ памятникахъ подробнѣе передается содержаніе этихъ грамотъ: въ нихъ предлагалось де городовымъ людямъ учинить «межъ собя совѣтъ и договоръ крѣпкой», какъ прожить въ безгосударное время и какъ выбрать государя, «для земскаго великого совѣту и государскаго обиранья» выбрать «лутчихъ и разумныхъ постоятельныхъ людей», «по колку человѣкъ пригоже», которые и должны были явиться въ Москву, «договорясь въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ обиранье полные договоры» [3]). Но когда разсылались грамоты, къ какому сроку вызывались выборные, въ упомянутыхъ извѣстіяхъ не находимъ никакихъ указаній. Поэтому и не было точно извѣстно, когда открылась сессія избирательнаго собора. Лишь въ одной записи глухо было замѣчено, что «тое жъ зимы (7121 г.) къ Москвѣ съѣхались изо всѣхъ городовъ выборные люди и совѣтуютъ о царскомъ избиранье» [4]).

---

1) Дв. разр. I, 66 прим.
2) Д. къ. А. И., I, № 166.
3) Дв. разр., I, 10—12, 26, 34, 40; Утв. грам., 42.
4) Дв. разр., I, 66 прим.

Одни изслѣдователи относятъ открытіе собора къ декабрю 1612 г. или къ январю 1613 г.; другіе опредѣленнѣе — къ январю 1613 г.

Въ одномъ изъ выпусковъ новой серіи памятниковъ о смутномъ времени только что издана грамота начальниковъ ополченія на Бѣлоозеро о присылкѣ на соборъ выборныхъ для избранія государя. Грамота помѣчена 19 ноября; срокомъ явки выборныхъ въ Москву назначенъ «Николинъ день осенней», т. е. 6 декабря 1612 г. Содержаніе грамоты весьма кратко: сообщается лишь объ очищеніи Москвы отъ поляковъ и о совѣтѣ всякихъ людей съ начальниками, какъ бы сослаться со всѣми городами о государскомъ обиранье̂. Далѣе преподаются указанія, какъ произвести выборы изъ собору, т. е. изъ среды духовенства, изъ посадскихъ людей и отъ уѣзда изъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, всего «десяти человѣкъ лутчихъ, и разумныхъ и постоятельныхъ», «и дати вамъ отъ себя полной и крѣпкой достаточной приказъ, чтобъ имъ во всѣхъ васъ мѣсто всякихъ людей и Бѣлаозера и уѣзду о государственномъ дѣлѣ говорити было вольно и безстрашно, и приказали... добрѣ съ великимъ наказаньемъ, чтобъ были прямы безо всякіе хитрости». Такъ какъ выборные вызывались къ Москвѣ «о большомъ Божьемъ и земскомъ дѣлѣ на договоръ», то предписывалось произвести выборы неотложно, «мимо иныхъ всѣхъ дѣлъ» и выслать выборныхъ наспѣхъ на указанный срокъ, чтобы за тѣмъ такое великое дѣло не стало. «А то вамъ даемъ вѣдати, да и сами вы то знаете, только у насъ вскоре въ Московскомъ государствѣ государя не будетъ, и намъ безъ государя нисколько быть невозможно. Да и ни въ которыхъ государствахъ нигдѣ безъ государя государство не стоитъ».

Грамота кончается предписаніемъ сообщить списокъ выборныхъ «наскоро»[1]).

Итакъ, соборъ намѣчался на 6 декабря. Но это предположеніе едва ли удалось осуществить. По крайней мѣрѣ бѣлозерцы никакъ не могли попасть въ Москву къ этому сроку. Грамота 19 ноября туда доставлена лишь 4 декабря[2]). Если на производство выборовъ положить лишь 7—10 дней, то выборные въ лучшемъ случаѣ могли бы попасть въ Москву не раньше 26—29 декабря. Но дѣло осложнилось еще болѣе значительно. Въ томъ же изданіи напечатана отписка бѣлозерскаго воеводы игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ извѣщеніемъ, что въ нынѣшнемъ 121 г. декабря въ 27 д. писали съ Москвы бояре и воеводы о выборѣ и высылкѣ выборныхъ людей «тотчасъ наскоро». Содержаніе отписки вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію грамоты 19 ноября, но дата 27 декабря указываетъ на повторное предписаніе изъ Москвы. Самая отписка (черновикъ) даты не имѣетъ. Игуменъ долженъ былъ, «посовѣтовавъ съ братіею», ѣхать въ Москву для добраго совѣта и о своемъ отъѣздѣ увѣдомить воеводу, чтобы вмѣстѣ съ игуменомъ отпустить къ Москвѣ протопопа и посадскихъ и уѣздныхъ выборныхъ людей[3]). Если даже допустить, что воевода тотчасъ увѣдомилъ игумена и выборы уже были закончены, а игуменъ съ выборными выѣхали въ

---

[1]) С. Б. Веселовскій. Новые акты смутнаго времени, № 82.

[2]) Этотъ срокъ доставки въ 15 дней надо признать обычнымъ, такъ какъ другая грамота тѣхъ же начальниковъ о назначеніи на Бѣлоозеро воеводъ, датированная 18 ноября, доставлена туда 5 декабря. См. Чтенія Общ. ист. и древн. 1907, кн. 1, смѣсь, стр. 30.

[3]) С. Б. Веселовскій, тамъ же, № 89. На конецъ декабря, какъ на срокъ разсылки призывныхъ грамотъ, указываетъ и А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, кн. 2, 306.

Москву дня черезъ 3 — 4, то они туда не могли попасть раньше половины января 1613 г. Едва ли дѣло обстояло лучше и съ другими городами, въ особенности болѣе отдаленными.

Въ подтвержденіе этой догадки можно указать еще на одну недавно опубликованную призывную грамоту отъ имени тѣхъ же начальниковъ осташковскому воеводѣ Осипу Хлопову. Но русскій оригиналъ ея не извѣстенъ, а только шведскій переводъ, не имѣющій даты. Судя по тому, что копія грамоты доставлена въ Новгородъ Б. Дубровскимъ, который прибылъ туда 18 января и «пять недѣль назадъ» выѣхалъ изъ Москвы, надо принять, что грамота писана въ половинѣ декабря. Въ грамотѣ сказано, что Хлопову писали уже раньше, чтобъ онъ послалъ отъ поповъ, дворянъ, посадскихъ и крестьянъ, живущихъ въ Осташковѣ и уѣздѣ, 10 разумныхъ и надежныхъ людей въ Москву къ 5 декабря, чтобы вмѣстѣ съ выборными отъ всѣхъ городовъ выбрать великаго князя. Но воевода не прислалъ выборныхъ, и ему еще разъ подтверждается, чтобъ онъ отправилъ ихъ безъ замедленія «къ вышеупомянутому сроку» (sic) въ виду важности дѣла[1]). Значитъ, это уже вторичная грамота, которая, если попала въ Осташковъ, попала туда не раньше начала января. По всѣмъ видимостямъ, засѣданія собора едва ли могли открыться раньше 20-хъ числъ января 1613 г.

Такая непредвидѣнная затяжка съ созывомъ собора не могла, конечно, содѣйствовать успокоенію умовъ, такъ какъ вопросъ о выборѣ государя становился все болѣе жгучимъ

[1]) Сборн. Новгородскаго Общества любителей древностей. В. V, № IV. Грамота начальниковъ въ Новгородъ 19 ноября доставлена туда тѣмъ же Б. Дубровскимъ 19 января; она очевидно была не тотчасъ отправлена.

и сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что тотчасъ по очищеніи Москвы онъ сталъ повседневной темой заботливыхъ думъ и страстныхъ обсужденій среди разныхъ слоевъ московскаго общества. Различія взглядовъ и симпатій и возникшая на этой почвѣ борьба несомнѣнно отразились и на соборныхъ совѣщаніяхъ. Это и подтверждается какъ тѣми глухими указаніями на шумъ и смятеніе, о которыхъ была рѣчь выше, такъ и прямыми свидѣтельствами лѣтописи о многомъ волненіи, такъ какъ «много избирающи искаху, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же иного́, и вси разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни. Мнозі́и же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары»[1]).

Къ сожалѣнію, объ этихъ разнообразныхъ теченіяхъ и серьезныхъ треніяхъ до собора и на соборѣ мы знаемъ всего меньше. Слуховъ ходило очень много. О нихъ мы узнаемъ изъ немногихъ намековъ въ русскихъ сказаніяхъ, изъ инсинуацій, случайно оброненныхъ въ пылу тяжебныхъ споровъ, значительно больше изъ записокъ иностранцевъ и переговоровъ съ польско-литовскими дипломатами уже послѣ избранія Михаила Өедоровича; узнаемъ и изъ записокъ плѣннаго шведа, который воспроизвелъ многіе разсказы русскихъ людей XVIII вѣка, передававшихъ разныя подробности избирательной борьбы. Разборъ этихъ слуховъ и итогъ имъ данъ еще въ 1891 г. въ трудѣ покойнаго А. И. Маркевича[2]).

---

1) Новый Лѣтописецъ, гл. 163, стр. 160; ср. П. С. Л., XIV, 129; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, изд. 2, 270.

2) Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, №№ 9 и 10.

Но недавно стали извѣстны новые слухи, сообщенные московскими выходцами и полонянниками полякамъ и шведамъ. Особенно посчастливилось разсказамъ смольнянина, сына боярскаго Ивана Философова, какъ у современниковъ, такъ и у современныхъ историковъ. Онъ былъ захваченъ въ концѣ ноября 1612 г. польскимъ авангардомъ, съ которымъ посланы были отъ короля Сигизмунда кн. Д. Мезецкій и дьякъ И. Грамотинъ для переговоровъ съ боярами. Это была послѣдняя попытка короля вернуть потерянное. Она не удалась. Московскіе начальники въ переговоры вступить не пожелали и затѣяли съ польскимъ отрядомъ задоръ и бой. Тутъ и захваченъ былъ Философовъ. Снятый съ него допросъ кн. Мезецкій и дьякъ Грамотинъ сообщили королю, и это донесеніе впервые издано въ 1901 г. [1]).

Философовъ сообщалъ, что у бояръ, которые служили Сигизмунду, и у лучшихъ людей есть намѣреніе просить на господарство великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, но они не смѣютъ о томъ говорить открыто, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобъ обрать на господарство иноземца. А казаки говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и воровского колужскаго. И во всемъ де казаки бояромъ и дворянамъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ. А дворяне де и дѣти боярскія разъѣхались по помѣстьямъ... А бояръ де князя Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ городы ко всякимъ людемъ, пускать ихъ въ думу или нѣтъ. А дѣлаетъ всякія дѣла кн. Дм. Трубецкой, да кн. Дм. Пожарской,

---

1) A. Hirschberg. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. We Lwowie 1901. 361 — 364.

да Куземка Мининъ. А кому быть впредь на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ.

Эти показанія чрезвычайно интересны. Изъ нихъ вскрываются любопытныя теченія среди разныхъ слоевъ московскаго общества — лучшихъ людей и казаковъ. Къ сожалѣнію, Философовъ, будучи самъ представителемъ дворянской среды, совершенно умалчиваетъ о ея настроеніяхъ. Но отмѣчая значительное преобладаніе силъ на сторонѣ казачества, онъ явно противоставляетъ казаковъ боярамъ и дворянамъ вмѣстѣ. Можемъ ли мы, однако, всецѣло довѣриться этимъ показаніямъ? Въ исторической литературѣ данъ на это утвердительный отвѣтъ. Но вотъ что необходимо имѣть въ виду при ихъ оцѣнкѣ. Показанія Философова стали извѣстны и на Москвѣ. Вѣроятно, послѣ допроса въ польскомъ станѣ онъ былъ отпущенъ или ему удалось убѣжать. Но въ Москвѣ показанія его стали извѣстны въ иной редакціи. Въ лѣтописной передачѣ отвѣтъ Философова на допросѣ гласитъ: «Москва людна и хлѣбна, и на то всѣ обѣщахомся, что всѣмъ помереть за православную вѣру, а королевича на царство не имати» [1]). О показаніяхъ Философова упоминаютъ и московскіе начальники въ грамотѣ осташковскому воеводѣ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ [2]). Своими показаніями въ московской редакціи Философовъ, повидимому, гордился и заслужилъ одобреніе лѣтописца, по словамъ котораго, Философову «даде Богъ слово, что глаголати». Эти колебанія

---

[1]) П. С. Л., XIV, 128.

[2]) Новг. сборн., V, стр. 20: Философовъ де «разсказалъ врагу о томъ, какъ мы оклялись между собой, что мы будемъ считать всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей за нашихъ отъявленныхъ, вѣчныхъ враговъ, а также отказались отъ его сына со всѣми прочими».

въ показаніяхъ побуждаютъ отнестись къ нимъ съ осторожностью.

Во всякомъ случаѣ они цѣнны ужъ по тому одному, что являются естественнымъ поводомъ вновь подвергнуть пересмотру вопросъ о настроеніяхъ въ средѣ бояръ и лучшихъ людей съ одной стороны и казаковъ съ другой и о политической роли тѣхъ и другихъ въ смутное время. Хорошо извѣстно, что по вопросу о роли боярства мнѣнія какъ современныхъ историковъ, такъ и современниковъ эпохи значительно расходятся. Достаточно сопоставить взгляды И. Е. Забѣлина и В. О. Ключевскаго. Большій объективизмъ послѣдняго стоялъ, казалось, внѣ спора. Но съ недавняго времени сужденія Забѣлина какъ бы получили авторитетную поддержку въ мнѣніи, нашедшемъ широкое признаніе. Его интересъ усугубляется еще тѣмъ, что оно исходитъ изъ показаній Философова и на нихъ опирается. Согласно этому мнѣнію, московское боярство, разбитое бурями смутной поры, навсегда сошло съ политической арены, такъ какъ въ моментъ созыва избирательнаго собора оказалось совершенно скромпрометированнымъ. Бояръ разсматривали, какъ измѣнниковъ, и не пускали въ думу, гдѣ сидѣло временное правительство; ихъ отдали на судъ земщины и выслали затѣмъ изъ Москвы, не позвавъ на государево избраніе; они получили свободу и амнистію отъ всей земли уже послѣ избранія государя, когда ихъ допустили участвовать въ торжественномъ провозглашеніи избраннаго безъ нихъ, но ими признаннаго кандидата на царство [1]).

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи, изд. 2, 342 и 369. Къ этому мнѣнію примкнули: А. Е. Прѣсняковъ въ Сборникѣ «Три вѣка», I, 24 — 28; Е. Ф. Тураева въ Сборникѣ «Начало династіи Романовыхъ», 136 — 140; ср. также С. И. Чернышевъ. Избраніе на царство М. Ѳ. Романова. Труды Кіев. Дух. Ак. 1912, № 1, стр. 95, 108, 113.

Кто же обвинялъ бояръ въ измѣнѣ и въ какой именно? Въ ту пору крайняго обостренія страстей можно пожалуй натолкнуться на обвиненія чрезвычайно серьезныя, но отнюдь не всегда обоснованныя. Напр., Прокопій Ляпуновъ, одинъ изъ первыхъ отступившій отъ королевича Владислава, обвиняетъ бояръ въ томъ, что они, прельстясь на славу вѣка сего, Бога отступили и приложилися къ западнымъ и къ жестосердымъ, а потому онъ порвалъ съ ними всѣ сношенія («мы бояромъ московскимъ давно отказали»[1]). Но вѣдь это есть обвиненіе политическаго противника, иначе понимающаго свои гражданскія обязанности.

Авторъ «Новой повѣсти» выдвигаетъ обвиненія въ прямой измѣнѣ, направленныя противъ доброхотовъ польскаго короля, «а нашихъ злодѣевъ». Они то къ «сопостату нашему королю вседушно пристали и хотятъ его на наше великое государство посадити и ему служити. И по се время мало не до конца ему, врагу, Російское царство предали». Но кто же эти злодѣи? Авторъ почему то не хочетъ ихъ назвать: «о именѣхъ же ихъ нѣсть здѣ слова». Онъ самъ признается, что не знаетъ, «всѣ ли отъ желаннаго сердца къ нему приклонилися, или будетъ втайнѣ искренное къ намъ, и нынѣ де жжаты съ нами же за вѣру стояти хотятъ». Значитъ, измѣнники-злодѣи это доброхоты короля. Имъ противополагаются тѣ, которые, находясь въ рукахъ своего врага, не стыдятся говорить ему въ глаза, «что отнюдь его воли не бывати и самому ему у насъ не живати, да не токмо ему, но и рожденному отъ него, аще не освятится тако, яко же мы, Божіею благодатію»[2]). Изъ послѣднихъ словъ обличителя вскрывается, что и онъ не

---

1) А. А. Э., II, № 176 III.
2) Р. И. Б., XIII, 194—196.

вполнѣ устранялъ кандидатуру Владислава. А этимъ бросается отблескъ и на фигуры «нашихъ злодѣевъ». Отнести къ нимъ огульно московскихъ бояръ не рѣшается и авторъ «Новой повѣсти».

Другой публицистъ, демократически настроенный псковскій лѣтописецъ, разсказываетъ о неудачѣ «злого боярскаго совѣта», «кромѣ всей земли рустѣй совѣту», призвати на престолъ свейскаго королевича и прибавляетъ, что послѣ этой неудачи «восхотѣша началницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти» [1]. Кандидатура на престолъ иноземца уже сама по себѣ злоумышленіе противъ государства; и въ немъ повинно боярство. Такое обвиненіе, довольно широко распространенное [2], имѣло своимъ источникомъ неудачный опытъ съ кандидатурой королевича Владислава.

Что боярство признало эту кандидатуру, не имъ впервые провозглашенную, это внѣ спора. Но эта кандидатура принята съ благословенія патріарха Гермогена и освященнаго собора. Что оказавшіеся плѣнниками польскаго гарнизона московскіе бояре не отреклись отъ королевича до очищенія Москвы, это тоже внѣ спора, хотя остается неизвѣстнымъ ихъ настроеніе въ послѣдніе мѣсяцы осады. Но что ихъ измѣнниками не считали, а, наоборотъ, отдѣлили отъ измѣнниковъ, это подтверждается рядомъ оффиціальныхъ документовъ. Клятвопреступникомъ и измѣнникомъ они называютъ Михаила Глѣбова Салтыкова съ товарищи, въ числѣ которыхъ перечисляются кн. Вас. Мих. Масальскій, д. Ив. Грамотинъ и торговый дѣтина Өедька Ондро-

---

[1]) П. С. Л., V, 62—63.

[2]) Хотя не всѣ винили въ этомъ однихъ бояръ; напр., Р. И. Б. XIII, 194.

новъ съ своими совѣтниками. Они то вмѣстѣ съ Олександромъ Гасевскимъ «учали быти по королевскому велѣнью въ Московскомъ государствѣ владѣтели». О боярахъ же эти памятники прямо говорятъ, что они у польскихъ и литовскихъ людей были въ неволѣ, что ихъ «захватили сильно, держали въ городѣ за приставы» и изъ Кремля никуда не выпускали [1]).

Въ числѣ вновь изданныхъ документовъ обращаетъ на себя вниманіе грамота начальниковъ ополченія на Бѣлоозеро 6 ноября съ извѣщеніемъ о сдачѣ поляками Москвы, гдѣ сказано, что староста Струсъ выходилъ изъ Кремля въ застѣнокъ и выводилъ съ собой бояръ, кн. Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, и бояре «всей землѣ били челомъ». Военачальники и вся земля, принявъ Кремль, «ихъ бояръ и литовскихъ людей не побили, потому что они бояре по ся мѣсто были всѣ въ неволѣ, а иные за приставы». И кн. Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищи «намъ сказывали, что они были въ городѣ неволею, и многіе изъ нихъ сидѣли за приставы, а ево кн. Ѳедора литовскіе люди били чеканы; и голова у него во многихъ мѣстехъ избита. А б-нъ кн. И. В. Голицынъ сидѣлъ за приставомъ и по тѣ поры, какъ ихъ Струсъ отдалъ». Слѣдуетъ ли вслѣдъ за редакторомъ въ этомъ свидѣтельствѣ усмотрѣть «прикрытую, но несомнѣнную тенденцію выгородить бояръ, сидѣвшихъ въ осадѣ» [2]), или можно отнестись къ нему съ большимъ довѣріемъ, это воп-

---

1) Утв. грам., 36 слѣд., 39—40; Дворц. разр., I, 19, 25—26, 33; ср. Р. И. Б., XIII, 1195, 1228; Андрей Поповъ. Изборникъ, 356: «Остались въ Москвѣ бояре по неволѣ, что ихъ не выпустятъ». Ср. Л. М. Сухотинъ. Земельныя пожалованія при царѣ Владиславѣ. Чтенія Общ. ист. и древ. 1911, кн. 4, стр. VIII—XI.

2) С. Б. Веселовскій. Новые акты смутнаго времени, № 80 и пред., стр. XII.

росъ субъективный. Гораздо важнѣе то, что точка зрѣнія военачальниковъ получила оффиціальное признаніе.

Но какъ въ такомъ случаѣ понять указаніе Философова, что Мстиславскаго съ товарищами въ думу не припускаютъ и во всѣ города о нихъ писали, пускать ихъ въ думу или нѣтъ? Такія грамоты не извѣстны. Если таковыя дѣйствительно разсылались, то едва ли можно думать, что въ нихъ шла рѣчь о томъ, считать ли Мстиславскаго съ товарищами виновными или нѣтъ и соотвѣтственно пустить или не пустить въ думу. Такого сомнѣнія у военачальниковъ не было, какъ явствуетъ изъ грамоты 6 ноября. Подъ думой, конечно, можно единственно разумѣть временное правительство бояръ и военачальниковъ, составъ котораго опредѣлился послѣ соединенія ополченій Трубецкаго и Пожарскаго, надо думать, по правиламъ 30 іюня 1611 г.[1]). Измѣнить его составъ сами начальники, конечно, не могли; включеніе же въ него Мстиславскаго съ товарищами неизбѣжно повлекло бы за собой предоставленіе имъ и первенства въ этомъ правительствѣ по правиламъ мѣстническихъ счетовъ. Если такой вопросъ дѣйствительно ставился, то рѣшить его на мѣстѣ безъ сношенія съ городами за распаденіемъ ополченія вслѣдствіе отъѣзда многихъ дворянъ изъ Москвы было невозможно. Такъ естественнѣе всего понять указаніе о сношеніи съ городами по поводу допущенія въ думу Мстиславскаго съ товарищами.

Но изъ этихъ словъ Философова сдѣланъ другой выводъ: бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, «отдали на судъ»

---

[1]) А. А. Э., II, № 214. И. Забѣлинъ. Мининъ и Пожарскій, изд. 4, стр. 267: «...и намъ всею землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнити и въ то мѣсто выбрати иныхъ, поговоря со всею землею, хотя будетъ болію (къ) земскому дѣлу пригодится».

свей земли и по суду «выслали изъ Москвы, не позвавъ на государево избранье». Но такъ ли это? Прежде всего не ясно, откуда почерпнуто свѣдѣніе о высылкѣ бояръ. Имѣются, наоборотъ, указанія, что члены семибоярщины, Ѳ. И. Шереметевъ и кн. Б. М. Лыковъ, играли роль на избирательномъ соборѣ; значитъ, они не были высланы. Почему же для нихъ сдѣлано исключеніе? Теперь мы располагаемъ и новыми данными по этому вопросу. Такъ, Б. Дубровскій, бывшій посломъ отъ Новгорода въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ, что «бояре и думцы, бывшіе съ поляками въ Кремлѣ, теперь вполнѣ примирились съ военачальниками и другими русскими боярами; но сначала имъ не довѣряли, потому что они имѣли дѣла съ поляками; и часть ихъ отправилась въ Н.-Новгородъ и Казань собирать деньги и ратныхъ людей на случай возможныхъ въ будущемъ со стороны поляковъ непріязненныхъ дѣйствій»[1]). Это извѣстіе гораздо ближе отвѣчаетъ положенію дѣлъ: естественно первоначальное недовѣріе, естественно и примиреніе. Разъ члены семибоярщины не оказались въ составѣ временнаго правительства, то одни изъ нихъ посланы на воеводства и приказы по городамъ, другіе уѣхали по богомольямъ или своимъ вотчинамъ, какъ будущій царь, третьи задержались въ Москвѣ или скоро туда вернулись. Итакъ, ни формальныхъ обвиненій въ измѣнѣ, ни суда надъ измѣнниками-боярами документально установить нельзя.

Но боярство могло оказаться скомпрометированнымъ и помимо судебнаго приговора. Противъ него могли возникнуть обличенія и помимо обвиненій въ измѣнѣ. И были. И защитить бояръ отъ этихъ обличеній много труднѣе.

---

[1]) Новг. сборн., V, 17—18; ср. тамъ же, 30.

Достаточно припомнить хотя бы ядовитый сарказмъ автора «Новой повѣсти» о земледержцахъ и правителяхъ, превращающихся у него въ «землесъѣдцевъ и кривителей», сарказмъ, заразительному вліянію котораго поддался одинъ изъ современныхъ историковъ. Невольно вспоминаются и тяжелые укоры дьяка Ив. Тимоѳеева и Авраамія Палицына въ недостаткѣ гражданскаго мужества, отсутствіи дерзновенія глаголати правду не стыдяся. «Не безсловеснаго ли ради молчанія» разлился грѣхъ въ нашей землѣ? На этотъ вопросъ дьякъ Тимоѳеевъ безъ колебанія отвѣчаетъ: «аще не бы исперва нашимъ молчаніемъ послаблялося», не случилось бы многаго. По мнѣнію Палицына, «яко сихъ ради Никитичевъ-Юрьевыхъ и за всего міра безумное молчаніе еже о истиннѣ къ царю не смѣюще глаголати», возникло многое зло. Хотя здѣсь обличается общій грѣхъ всего міра, но повинны въ немъ были больше всего, конечно, стоящіе у власти, «благородные по царѣхъ сущіе столпы великіе, ими же земля наша вся утвержашеся», которые за свой грѣхъ первыми и пострадали.[1]) Но кто же рѣшится этотъ грѣхъ владущихъ счесть специфическимъ грѣхомъ правящей среды въ смутное время?

Еще одинъ поступокъ московскаго боярскаго правительства вызвалъ весьма нелестную ироническую характеристику у московскихъ публицистовъ. По поводу сдачи Москвы въ руки литовскихъ воеводъ они о седмочисленныхъ боярахъ замѣтили, что «оскудѣша бо убо премудрыя старцы, изнемогоша чудныя совѣтники»[2]). Хотя у правительства были серьезные мотивы къ такому шагу, но

[1]) Р. И. Б., XIII, 191—196; 377—382; 479.
[2]) Р. И. Б., XIII, 123—124; 1309; ср. 604.

допустимъ справедливость укора и признаемъ политическую недальновидность боярства. Весь трагизмъ въ положеніи боярскаго правительства въ эпоху междуцарствія въ томъ и заключался, что въ роли великихъ столповъ выступили заурядные средніе люди, а обстоятельства требовали героевъ. Ошибки правителей внѣ спора, но кто былъ безъ грѣха въ ту пору великой разрухи?

Потому то памятники гораздо чаще говорятъ не объ особомъ боярскомъ грѣхѣ, а о грѣхѣ всего міра, объ общемъ земскомъ грѣхѣ: «за умноженіе грѣхъ всѣхъ православныхъ христіанъ царская степень пресечеся»; «по общему земскому грѣху многіе люди государя царя Василія Ивановича возненавидѣли и отъ него отстали»; «по общему земскому грѣху, а по завидѣнію дьяволю, многіе люди межьусобную брань учинили и стали въ розни» [1]). Точно такъ же и Михаилъ Ѳедоровичъ, отказываясь «со слезнымъ плачемъ и гнѣвомъ» отъ престола, указывалъ на то, что «Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхомъ измалодушествовалися, прежнимъ государемъ, давъ свои души, не прямо служили»; что и прирожденному государю нельзя быть на государствѣ, «видя Московскаго государства въ людѣхъ измѣны и многое непостоянство и крестопреступленіе» [2]). Та же мысль отчетливо выражена и въ рядѣ сказаній: весь народъ «отъ великихъ благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, отъ главы и до ногу вси . . . безчисленныхъ бѣсовскихъ язвъ исполнишася» [3]). Отсюда и необходимость всеобщаго покаянія. Общій земскій грѣхъ покрылъ боярскую вину.

---

1) Дворц. разр., I, 11, 18, 25, 33; Утв. грам., 48.
2) Дворц. разр., I, 55 — 57, 74, 83 — 84; Утв. грам., 54.
3) Р. И. Б., XIII, 225; ср. 378.

Однако передъ взоромъ внимательнаго наблюдателя встаетъ распространенное среди современниковъ эпохи мнѣніе, будто бояре и лучшіе люди въ горячій моментъ послѣ освобожденія Москвы и вплоть до перерыва соборной сессіи 7 февраля были горячими сторонниками чужеземной кандидатуры на царскій престолъ. И. Философовъ въ польскомъ станѣ, Б. Дубровскій въ Новгородѣ разсказываютъ одинъ о хотѣніи бояръ и лучшихъ людей посадить на государство королевича Владислава, другой о желаніи ихъ выбрать его княжескую милость герцога Карла Филиппа и даже о посылкѣ встрѣчнаго къ нему посольства; послѣднія свѣдѣнія повторяютъ и другіе выходцы въ Новгородъ[1]). Получается любопытный итогъ: въ чей станъ попадетъ москвичъ, въ пользу того претендента онъ сообщаетъ московскія вѣсти. Проистекало ли это изъ дипломатической тактики расположить претендента въ пользу Москвы и предотвратить на ближайшее время непріязненныя съ его стороны дѣйствія, или же внушалось болѣе скромными мотивами снискать благоволеніе въ свою собственную пользу, — во всякомъ случаѣ эти показанія вызываютъ серьезныя сомнѣнія въ ихъ достовѣрности. Положиться на нихъ при выясненіи и оцѣнкѣ настроеній боярской среды было бы, конечно, рискованно. Къ тому же они оказываются противорѣчащими свидѣтельствамъ нашей лѣтописи. Уже было указано, какъ противоположно передано въ ней показаніе Философова. Подобнымъ же образомъ переданъ въ ней и отвѣтъ начальниковъ и всѣхъ людей Б. Дубровскому, который привезъ предложеніе новгородцевъ объ избраніи Карла Филиппа: «тово у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобъ намъ взяти иноземца на

---

[1]) Новг. сборн., V, 16, 18, 21—22.

Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылались для тово, чтобы намъ въ тѣ поры не помѣшали, боясь тово, чтобы не пошли въ поморскіе городы»[1]). Правда, въ дипломатическомъ отвѣтѣ начальниковъ новгородскому митрополиту этотъ вопросъ обойденъ деликатнымъ указаніемъ, что его нельзя рѣшить, не обослався со всѣми городы. Но у себя дома съ Б. Дубровскимъ могли говорить и откровеннѣе.

Помимо этого сомнѣнія, нельзя не обратить вниманія на ту психологію, которая создалась и, конечно, не только въ рядахъ среднихъ общественныхъ классовъ подъ вліяніемъ упорной борьбы съ поляками за вѣру и отечество. Упорство борьбы и конечный ея успѣхъ, несомнѣнно, должны были еще болѣе поднять настроеніе. Неужели же остались глухи къ этому подъему нравственнаго чувства только одни владущіе, столпы благородніи, исконные руководители судьбами родной земли? Неужели можно заподозрить въ искренности челобитье всей землѣ кн. Мстиславскаго съ товарищи, когда ихъ отпустили изъ литовскаго плѣна? Въ какой мѣрѣ они должны были остаться умственно и нравственно ослѣпленными, чтобъ не подчиниться общему настроенію враждебности къ польскому королю, королевичу Владиславу и вообще къ полякамъ?

Одно обстоятельство какъ бы позволяетъ въ извѣстной мѣрѣ освѣтить этотъ вопросъ. Читая оффиціальные акты о событіяхъ, предшествующихъ избранію государя, наталкиваешься на одну странность: въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ о присылкѣ выборныхъ на соборъ, стояло будто бы такое указаніе: «и обрать бы на Владимерское,

---

[1]) П. С. Л., XIV, 128—129.

и на Московское и на всѣ великія государства Росіиского царствія государя царя и вел. князя всеа Русіи, кого Богъ дастъ, опричъ Литовскаго и Нѣмецкаго короля и королевича»[1]). Что значитъ послѣднее ограниченіе? Тенденціозное предвареніе послѣдующихъ событій въ оффиціальномъ документѣ, позднѣе составленномъ? Такъ естественно казалось объяснить эту оговорку, и такъ отнеслись къ ней всѣ историки, признавшіе, что чужеземныхъ кандидатовъ устранилъ земскій соборъ, вопреки домогательствамъ бояръ. Пока не были извѣстны призывныя грамоты на этотъ соборъ, провѣрить это оффиціальное указаніе было невозможно. Теперь мы имѣемъ двѣ таковыхъ: одну первоначальную, другую повторную или подтвердительную. Въ первой никакихъ ограниченій относительно предстоящаго избранія не указано. Въ подтвердительной же грамотѣ осташковскому воеводѣ присоединены вѣсти о послѣднихъ неправдахъ польскаго короля и прибавлено: «поэтому поклялись мы между собой, какъ высшіе, такъ и низшіе, что мы будемъ стоять противъ него, его сына и литовскихъ людей до послѣдняго человѣка и признавать ихъ за нашихъ вѣчныхъ враговъ, о чемъ мы извѣстили нашихъ людей во всѣхъ крѣпостяхъ (городахъ?), какъ и васъ»[2]). Послѣднія неправды польскаго короля — это походъ Сигизмунда подъ Москву въ 20-хъ числахъ ноября. Въ первыхъ призывныхъ грамотахъ объ этомъ и не могло быть упоминаній, такъ какъ онѣ разсылались раньше. Отсюда вскрывается новое обстоятельство: кандидатура польскаго королевича была устранена еще до собора общей клятвой высшихъ и

---

1) Дврц. разр., I, 12.

2) Новг. сборн., V, 19—20.

низшихъ [1]). Такимъ образомъ, указаніе оффиціальнаго документа отнюдь не антиципація, а достовѣрное свидѣтельство. Земскому собору предстояло не рѣшать вопроса, а лишь санкціонировать принятое рѣшеніе.

Если эта догадка получитъ дальнѣйшее подтвержденіе, то этимъ облегчится объясненіе нѣсколькихъ запутанныхъ извѣстій о нѣкоторыхъ подробностяхъ соборныхъ засѣданій. Но самый существенный выводъ заключается въ томъ, что съ боярства снимается брошенное ему обвиненіе въ антинаціональной пропагандѣ на земскомъ соборѣ чужеземной кандидатуры на царскій престолъ. Только при этомъ условіи можетъ быть объяснено и понято выступленіе на политической аренѣ боярства, какъ среды, изъ которой долженъ быть выбранъ представитель будущей династіи.

Но необходимо вспомнить еще объ одной кандидатурѣ, упоминаемой оффиціальными и частными извѣстіями — о кандидатурѣ воренка или Маринкина сына. Она связана самымъ тѣснымъ образомъ съ политической ролью казачества. Не было бы ничего страннаго въ этихъ извѣстіяхъ, если бы такая кандидатура выдвигалась казачествомъ, какъ единственная. Но въ популярномъ теперь извѣстіи Философова она тѣсно связана съ кандидатурой Филаретова сына: казаки де примѣривали Филаретова сына и воровского колужскаго. Такое сопоставленіе невольно удивляло, но осталось незаподозрѣннымъ.

Казаки — это тѣ общественные низы, которые придали смутѣ самый противообщественный, разрушительный харак-

---

[1]) Между тѣмъ, по вѣстямъ московскихъ выходцевъ, даже кн. Д. М. Пожарскій оказался однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ чужеземной кандидатуры на престолъ. Новг. сборн., V, 27.

теръ. Поэтому всѣ другіе общественные классы, начиная съ бояръ и кончая посадскими людьми и крестьянами, отнеслись къ нимъ съ великимъ страхомъ и съ великою непріязнью. Въ мнѣніяхъ современниковъ воры и казаки стали синонимами. И понятно, почему: одинъ современникъ составъ казачества опредѣлилъ такъ: «въ казакахъ были холопи боярскіе и всякіе воры ерыжные и зерщики»[1]). Поэтому и всякій «воровской казачій заводъ» представлялся общественнымъ бѣдствіемъ. Сохранился рядъ отзывовъ о казакахъ патріарха Гермогена, Авр. Палицына, самого Пожарскаго и рядовыхъ современниковъ. Патріархъ Гермогенъ еще въ 1607 г. измѣнниками и отступниками назвалъ воровъ, татей, разбойниковъ, холопей боярскихъ и казаковъ Донскихъ и Вольскихъ. По его же указанію у воровъ лучшими промышленниками были Терскіе и Яицкіе, Волскіе, Донскіе и Путивльскіе и Рыльскіе атаманы и казаки[2]). Палицынъ отождествляетъ казаковъ и холоповъ, называетъ жителей Сѣверскихъ и Польскихъ городовъ «вѣчными холопи московскими», о которыхъ замѣчаетъ, что «раби убо господіе хотяше быти и неволніи къ свободѣ прескачюще». Эти казаки и воры «царемъ аки дѣтищемъ играху», лишь бы поскорѣе добраться до древнихъ царскихъ сокровищъ[3]).

Особенно любопытны два его указанія на роль казачества. Онъ прямо говоритъ, что обращеніе къ польскому королевичу было вынуждено страхомъ московскихъ людей попасть подъ власть лже-христа тушинскаго и колужскаго: «лучше убо государичю служити, нежели отъ холопей

---

1) Изборникъ, 354.

2) А. А. Э., II, №№ 73 и 74.

3) Р. И. Б., XIII, 988, 992, 1005, 1025.

своихъ побитымъ быти и въ вѣчной работѣ у нихъ мучитися»; сюда же присоединилась и надежда найти у поляковъ немедленную защиту противъ воровъ. Сдача Москвы польскому отряду вызвана въ значительной мѣрѣ тѣмъ же страхомъ [1]).

Убійство Пр. Ляпунова казаками Палицынъ объясняетъ единственнымъ мотивомъ: мужественный предводитель дворянскаго ополченія «ненавидѣлъ до конца хищенія и неправды, бывшія тогда въ козачьи воинствѣ» [2]). Двѣ недавно изданныхъ грамоты Ляпунова прекрасно это иллюстрируютъ. Въ нихъ онъ требовалъ отъ городовыхъ воеводъ не слушать грамотъ безъ его подписи и подчиняться лишь приказаніямъ изъ Большого Прихода и Четей за дьячими приписьми или за его собственной рукой и указывалъ: «вы нынѣ всякіе окладные и неокладные деньги присылаете къ бояромъ по полкомъ, и тѣ деньги емлютъ бояре безъ мірского вѣдома и даютъ ихъ невѣдомо на какіе расходы, и тѣ деньги пропадаютъ межъ рукъ». Если же это и впредь продолжится, то «я Прокоѳѣй отъ всѣго дѣла и отъ земъского промыслу отступлюся». Вслѣдъ за этимъ онъ былъ убитъ [3]).

Послѣ его смерти нечего было и думать о благихъ пожеланіяхъ приговора 30 іюня 1611 г. Казачьи разбой и воровство не знали удержа, такъ какъ начальники ополченія не въ силахъ были удовлетворить требованій казаковъ о кормахъ и шубахъ. Кормъ свой казачьи станицы получали чаще сами съ городовъ и волостей, отданныхъ имъ въ кормъ, т. е. на расхищеніе; а шубы, по выраженію

---

1) Тамъ же, 1187 и 1189.

2) Тамъ же, 1204; ср. Изборникъ, 351 сл.

3) С. Б. Веселовскій. Новые акты, №№ 1 и 6.

одного историка, чаще добывали съ чужихъ плечъ. Такъ упрочилось казачье «шарпанье»[1]), отъ котораго разорялось населеніе и борьба съ которымъ была правительству не подъ силу какъ въ 1611-12 г., такъ и въ 1613 г.

Что такое были казачьи отряды, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. По разсказу Б. Дубровскаго, послѣ сдачи Кремля казаки хотѣли силой туда ворваться, но военачальники и бояре не позволили имъ этого и потребовали, чтобы они представили списокъ старыхъ казаковъ, отдѣливъ крестьянъ и другіе приставшіе къ нимъ безпорядочные отряды. Лучшихъ и старшихъ казаковъ надѣлили вещами и деньгами по 8 руб. на человѣка. А другимъ безпорядочнымъ отрядамъ, въ которыхъ было нѣсколько тысячъ людей, не дали ничего[2]). Но каковы были старшіе и лучшіе казаки, подробно разсказываютъ оффиціальные документы. Когда къ избранному царю отправлено было посольство, то въ составъ его вошли атаманы и казаки ото всѣхъ станицъ. Надо думать, это были отборные изъ лучшихъ. Хотя тѣмъ «атаманамъ и казакамъ оказано было царское жалованье и призрѣніе въ кормѣхъ, давали имъ по вся дни изъ царской казны денежной кормъ отъ 5 до 6 денегъ на день человѣку, а лошадямъ сѣна и овса или деньгами, какъ мочно сытымъ быти»; но 28 апрѣля съ утра побѣжали съ царскаго стана отъ Троицы Сергіева монастыря многіе атаманы и казаки къ Москвѣ и дорогою ѣдучи многихъ людей грабили. Объ этомъ увѣдомленъ былъ земскій соборъ царской грамотой, гдѣ описываются воровство, грабежи и убійства великіе подъ Москвой по дорогамъ, о чемъ царь съ великой старицей «конечно и

---

[1]) Дворц. разр., I, 1174, 1192; С. Б. Веселовскій. Новые акты. № 91.
[2]) Новг. сборн., V, 17.

вседушно скорбятъ и затѣмъ къ Москвѣ идти не хотятъ». Власти принимаютъ экстренныя мѣры. Въ первую очередь прочли государеву грамоту въ церкви Успенія «всѣмъ вслухъ, и атаманомъ и казакомъ и всякимъ людемъ». Атаманы и казаки, выслушавъ государеву грамоту, говорили, «на чемъ они государю души свои дали, по тому и хотятъ совершать», т. е. служить, не щадя головъ. А противъ шарповщиковъ вотъ что придумали: «они, государь, атаманы и казаки межъ себя нынѣ, для большаго укрѣпленія, велѣли дву атаманомъ у одного атамана черезъ день его станицы казаковъ смотрѣть, и котораго вора сыщутъ, никакъ его не потаятъ, тотчасъ на него скажутъ» [1]). Такими мѣрами приходилось обезпечивать вѣрность казачьей службы. Мудрено ли, что у современниковъ о казакахъ сложилось опредѣленное представленіе, что ни одинъ отъ невѣрныхъ не сотворилъ такого зла, «еже они творяху христіаномъ, различно мучаще» [2]).

Повторяю, въ такой средѣ легко могла возникнуть кандидатура на престолъ воровского колужскаго. Старымъ заводчикамъ великому злу не впервой приходилось подущать на цѣлованіе креста разнымъ ими же измышленнымъ претендентамъ на царство. И по миновеніи смуты казакамъ не разъ бросали укоръ въ лицо: « вамъ де нынѣ не по старому воровать, царей заводить» [3]). Но кандидатура воренка задолго до собора была опорочена всѣми слоями московскаго общества, которые стремились къ искорененію смуты. Первымъ патріархъ Гермогенъ еще въ августѣ 1611 г. писалъ нижегородцамъ и просилъ распространять въ Казань,

---

[1]) Двор. разр., I, 1173, 1175, 1193 слѣд.

[2]) Р. И. Б., XIII, 1233.

[3]) Н. Новомбергскій. Слово и дѣло государевы, № 20.

на Вологду и въ полкахъ боярамъ и атаманамъ говорить безстрашно, «чтобъ они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына не благословляли... отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ. Проклятъ отъ святого собору и отъ насъ»[1]). Эта мысль крѣпкаго адаманта, стойкаго поборника истины нашла согласный откликъ въ сердцахъ всѣхъ постоятельныхъ людей. Изъ Ярославля отъ лица земскаго ополченія въ апрѣлѣ 1612 г. разсылаются по городамъ грамоты съ извѣщеніемъ, что всѣ православные христіане общимъ совѣтомъ дали Богу обѣтъ и укрѣпились на томъ, что къ воровскому царю Сидоркѣ не приставать «и Маринѣ и сыну ея не служить». То же повторяется въ окружной грамотѣ отъ іюня 1612 г.: «вору, который во Псковѣ, и Маринѣ и сыну ея не служить и противъ ихъ и тѣхъ, которые имъ учнутъ служить, стояти, а государя выбрати всею землею»[2]). Вотъ съ какимъ клятвеннымъ обѣтомъ подошло ополченіе подъ Москву и билось за ея освобожденіе. И, конечно, эта рѣшимость не ослабла, какъ не измѣнилось и отношеніе къ казачеству, послѣ очищенія Москвы. При такихъ условіяхъ допустить обсужденіе на соборѣ кандидатуры воровского колужскаго значило бы отказаться отъ всѣхъ достигнутыхъ результатовъ.

Съ увѣренностью можно думать, что эта кандидатура и не была поставлена, какъ и кандидатура королевича Владислава. И въ оффиціальной записи сказано, что «на соборѣхъ говорили о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быть государемъ». Вотъ о какихъ кандидатахъ говорили выборные

---

[1]) Сборн. Нижег. Арх. Комм., т. XI, № LXVIII.

[2]) А. А. Э., II, №№ 203, 208; Нижег. сборн., 253—254; С. Г. Г., II, № 281.

люди. Правда, къ приведеннымъ словамъ прибавлено: «а Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть». Но это вовсе не значитъ, что были поставлены и обсуждались эти кандидатуры и даже въ первую очередь, какъ думаютъ нѣкоторые историки[1]); наоборотъ, это указываетъ, что перечисленныхъ лицъ нельзя было обирать и нельзя было хотѣть; ихъ кандидатуры были заранѣе исключены и этимъ сразу поставлены были рамки соборной дѣятельности.

Какія же кандидатуры были поставлены и кѣмъ? Для рѣшенія этого вопроса въ рукахъ изслѣдователя имѣется весьма плохой матеріалъ, зачастую ничего, кромѣ разнообразныхъ и невѣроятныхъ слуховъ и просто сплетенъ. Среди кандидатовъ на престолъ всплываютъ имена больше все князей: Мстиславскаго, братьевъ Голицыныхъ, Воротынскаго, Шуйскаго, военачальниковъ Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарскаго, наконецъ, М. Ѳ. Романова. Не имѣю ничего прибавить къ оцѣнкѣ этихъ кандидатуръ, предложенной въ исторической литературѣ[2]). Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла за себя по сравненію съ другими два серьезныхъ преимущества: 1) его близкое родство съ царствовавшей династіей, такъ какъ онъ приходился внукомъ царицы Анастасіи Романовны и племянникомъ царя Ѳедора Ивановича, и 2) кандидатура

---

1) Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе М. Ѳ. Романова на царство. Ж. М. Ю., 1913, № 1, 29.

2) А. Маркевичъ. Избраніе на царство М. Ѳ. Романова. Ж. М. Н. Пр. 1891, №№ 9—10; С. И. Чернышевъ. Избраніе на царство М. Ѳ. Романова. Труды Кіев. Дух. Ак. 1912, № 1; Д. В. Цвѣтаевъ, назв. соч.

его уже давно была выдвинута, именно въ силу родства съ угасшей династіей, патріархомъ Гермогеномъ [1]). Ссылка на родство и наслѣдственныя права по родству выдвигала старую опору представленій о вотчинномъ государѣ, болѣе прочную, чѣмъ зыбкая почва избирательной монархіи. Хотя публицисты той эпохи, предваряя на цѣлое столѣтіе Ѳеофана Прокоповича, думали примирить единомысленное человѣческое хотѣніе съ Божественнымъ промысломъ ссылкой на то, что «гласъ народа — гласъ Божій бываетъ», такъ какъ «Богъ его государя на такой великій царскій престолъ изобралъ мимо всѣхъ людей и всѣмъ людемъ о его царскомъ обираніи вложилъ въ сердца едину мысль» [2]); но человѣческое хотѣніе могло оказаться и многомятежнымъ, и несчастливымъ, какъ показали бывшіе опыты избирательной практики. Поэтому ссылка на извѣстную прирожденность кандидата значительно укрѣпляла его позицію. Кромѣ этихъ двухъ важныхъ предпочтеній, въ пользу юноши Романова говорило и то, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ мятущихся страстей печальной дѣйствительности. Для подавляющей массы выборныхъ людей изъ служилой и тяглой среды это былъ самый надежный

---

[1]) Хотя извѣстія объ этомъ идутъ изъ польскихъ источниковъ, но довольно разныхъ. Жолкевскій свидѣтельствуетъ, что еще до кандидатуры Владислава патріархъ побуждалъ избрать или кн. В. Голицына, или Никитича Романова, сына ростовскаго митрополита; и патріархъ стоялъ за этого юношу именно потому, что отецъ его приходился двоюроднымъ братомъ царя Ѳедора. Записки, изд. 2, 74—75; ср. 86—87. А. Гонсевскій на съѣздѣ пословъ подъ Смоленскомъ въ 1615 г., уличая въ неправдахъ патріарха Гермогена и митрополита Филарета, указывалъ, будто передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ посольство митрополитъ съ патріархомъ условились, «штобы господарю королевичу на Московскомъ государствѣ не быть, а патріархъ ему имался всѣхъ людей къ тому приводить, штобы сына его Михаила на царствѣ посадити». А. З. Р., IV, 482—483.

[2]) Утв. грам., 33 прим. и 56; Дворц. разр., I, 51.

кандидатъ. Они были проникнуты однимъ сознаніемъ, что «безъ государя Московскому государству стояти и ни на малое время быть не мочно»[1]). Они не были партійными сторонниками какого-либо опредѣленнаго рода или лица. «А намъ бы де хто ни будь на царстве сиделъ», — такъ простодушно формулировано было это безпристрастіе въ осажденномъ Смоленскѣ. Но это отнюдь не означало полнаго безразличія къ представителю власти. Нуженъ былъ царь, какими были исконные московскіе государи, а не первый ловкій претендентъ. Въ томъ же осажденномъ Смоленскѣ мучились неизвѣстностью: «толко деі будетъ тотъ возпря...царевичъ Дмитрей и имъ деі противъ его и стоять нѣчего, а только деі будетъ не прямой царевичъ, воръ, и мы деи рады помереть противъ его»[2]). При такомъ настроеніи кто могъ возразить противъ лица отъ царского корени? Однако дѣло обиранія затянулось «по многіе дни». У Михаила Өедоровича оказались соперники. Но кто же они? И главное, какая за ними стояла сила? Памятники не даютъ отвѣта на вопросъ. Во многихъ изъ нихъ, однако, можно напасть на любопытныя указанія о дѣятельности на избирательномъ соборѣ атамановъ и казаковъ въ пользу М. Ө. Романова. Эти свидѣтельства привели и современныхъ историковъ къ убѣжденію, что кандидатура Романова одержала побѣду, благодаря поддержкѣ казачества. Хотя де «казаки буйствовали въ освобожденной ими (?) Москвѣ, дѣлали, что хотѣли, не стѣсняясь временнымъ правитель-

---

[1]) Дворц. разр., I, 26, 34 и др. Мудрые риторы облекли эту простую мысль въ велерѣчивую формулу: «не обыкоша росийстіи народи безгосударственны бывати». Утв. грам., 33 прим.

[2]) Памятники обороны Смоленска. Подъ ред. Ю. В. Готье, М. 1912, стр. 79 и 86.

ствомъ Трубецкого, Пожарского и Минина, но въ дѣлѣ царскаго избранія они заявили себя патріотами, рѣшительно возстали противъ царя изъ чужеземцевъ, намѣчали, примѣривали настоящихъ русскихъ кандидатовъ, ребенка, сына вора тушинскаго, и Михаила Романова, отецъ котораго былъ ставленникъ обоихъ самозванцевъ»[1]). Если польскіе дипломаты, не страшась отвѣтственности, оффиціально укоряли новоизбраннаго царя, что его «посадили одни казаки донцы», что его «выбирали одни казаки», на что съ русской стороны отвѣчали «съ шумомъ и бранью»[2]), то это понятно. Понятно и то, что иные русскіе люди изъ трепета передъ казаками преувеличивали ихъ положительную роль[3]). Но совершенно не понятно главное: отчего избраніе затянулось. Если казаки дѣятельно проводили Романова; если дворяне и дѣти боярскія, посадскіе и уѣздные люди не могли имѣть ничего противъ кандидатуры, столь вѣско обставленной, и объединились на этомъ съ казаками, то изъ-за чего былъ шумъ, плачъ и смятеніе? Не изъ за маленькой же кучки бояръ, изъ которыхъ даже не всѣ были налицо на первыхъ соборныхъ засѣданіяхъ? Все это побуждаетъ искать болѣе яснаго и опредѣленнаго отвѣта для объясненія создавшихся затрудненій. И первое, въ чемъ позволительнѣе всего усумниться, это въ патріотизмѣ, вѣрности и твердости казацкихъ станицъ. Такое сомнѣніе вытекаетъ не только a priori изъ характерныхъ чертъ ихъ соціальнаго облика; оно подтверждается прямыми свидѣтельствами. Эвертъ Горнъ, рисуя новгородцамъ московскіе порядки, указываетъ

---

1) В. Ключевскій. Курсъ, III, 76; С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи, изд. 2, 350 сл.; Д. В. Цвѣтаевъ, назв. соч., 33.

2) Соловьевъ, II, 1073 и 1084.

3) Новг. сборн., V, 23, 30.

прежде всего, «что казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіе, и того ради большую власть имѣютъ, по своей воли и по своему мнѣнію чинятъ: иные пристали волею къ Ив. Заруцкому, а иные себѣ такихъ начальниковъ прибрали, которые болши о своей корысти, нежели о земской ползѣ пекутся». А Делагарди, ссылаясь на письмо Пожарскаго, доноситъ, что «часть простой и неразумной толпы и особенно отчаянные и безпокойные казаки не желаютъ никакого опредѣленнаго правительства, но хотятъ избрать такого правителя, при которомъ они могли бы и впредь свободно грабить и нападать, какъ было до сихъ поръ»[1]). Весьма правдоподобно, что они воспользовались соревнованіемъ между претендентами и предлагали свою поддержку, одни одному, другіе другому, но, надо думать, не безвозмездно. Этимъ и надо объяснить извѣстія о многомъ волненіи и плачѣ, о подкупахъ и обѣщаніяхъ при избирательной борьбѣ и затяжку дѣла избранія на многіе дни. Сторонники Михаила Өедоровича должны были считаться съ создавшимися условіями и прибѣгать къ одинаковымъ средствамъ борьбы. Фигура славнаго Дону атамана, который будто бы на соборѣ представилъ выпись о природномъ государѣ Михаилѣ Өедоровичѣ и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу своего кандидата, очень напоминаетъ заранѣе подготовленный эфектный пріемъ.

Послѣднее сомнѣніе. Извѣстія памятниковъ, что съ 7 февраля отложили соборныя засѣданія на двѣ недѣли, заставляютъ усумниться въ безспорности общепринятаго мнѣнія, что избраніе состоялось уже 7-го и лишь отложено до окончательнаго и большаго утвержденія. Вспоминая

---

[1]) Д. къ А. И., II, № 12; Новг. сборн., V, 16.

извѣстія тѣхъ же памятниковъ о томъ, какъ земскій соборъ торопилъ пришествіе государя въ Москву послѣ 14 марта, невольно останавливаешься въ недоумѣніи передъ вопросомъ: зачѣмъ отложили на 2 недѣли дѣло, съ которымъ такъ торопились, если оно было уже рѣшено. Можно догадываться, что результаты избирательной борьбы, поскольку они выяснились до 7 февраля, почитались не вполнѣ надежными. Пришлось продолжить борьбу: вызвать въ Москву всѣхъ отсутствовавшихъ бояръ, опросить населеніе. Въ этихъ условіяхъ длительнаго соперничества борющихся партій и слѣдуетъ, вѣроятно, искать благопріятной обстановки для зарожденія плана ограничительной записи, примиряющей столкнувшіеся интересы.

Кончая на этомъ свои сомнѣнія, позволю заключить ихъ указаніемъ, что нашъ національный праздникъ есть праздникъ и русской исторической науки. Воспоминанія о пережитыхъ событіяхъ вызвали изданіе многихъ важныхъ памятниковъ смутной эпохи и царствованія Михаила Ѳедоровича; выходъ въ свѣтъ другихъ стоитъ на ближайшей очереди. Обработка ихъ, безспорно, разсѣетъ многія сомнѣнія. И этому порадуется не только историкъ, но каждый гражданинъ русской земли, памятуя мнѣніе нашего общаго учителя, что смутная эпоха является начальнымъ моментомъ нашей собственной автобіографіи.

